

Реформа системы сербского образования: «плюс болонизация всей страны...»¹

Реформа системы образования — тема, мимо которой нельзя пройти в сегодняшних разговорах о значимости воспитания и образования в современном мире. О проблемах, постигших реформу образования в Сербии, я писал в недавно выпущенной книге «Priče iz Bolonjske šume» (Сказки из Болонского леса)², где несколько раз отметил, что система образования в Сербии ещё не так давно была приемлемой: не самой худшей и не самой лучшей. Однако это была система, которую можно было усовершенствовать и сделать лучше. Между тем сегодняшними действиями образовательных властей в Сербии, механическим введением системы образования, известной как болонская, уничтожено всё хорошее из предыдущей системы. Соединением двух несоединимых систем, основанных на различных принципах, систематически разрушается образование в целости, и губительные последствия этих действий видны уже сейчас, а ощутимы они станут грядущим поколениям.

Большой вопрос, насколько правы некоторые развитые европейские страны, которые так называемые болонские процессы навязывают всем вокруг себя, а сами их полностью не применяют, оставляя свои лучшие университеты и образовательные институты в стороне, цинично объясняя, что эта реформа предусмотрена для серых, средних университетов в Европе. Речь идёт о своеобразном культурном империализме и уничтожении традиционных и исторических ценностей, специфичности малых народов, но от этого зла не защищены и крупные народы.

В Сербии многие, опьянённые европейским потребительским обществом, введение так называемой болонской системы в

¹ Перевод с сербского осуществлён А. А. Травкиной.

² <http://www.uzelac.eu/2KnjigeStudija/MilanUzelacPriceIzBolonjskesume>. pdf.
(дата обращения: 12.12.2009)

образовании восприняли одним из билетов на вхождение в Европу — географически в Европе Сербия уже находится, речь идёт о вхождении в экономическую систему стран западной Европы. Никто не понимает уроки таких стран, как Греция, Португалия и Испании, не понимает, что Сербии, как и ряду подобных стран, предопределена роль рынка для товаров с просроченным сроком годности, еды и лекарств, которые ввиду большого содержания пестицидов и канцерогенных добавок уже запрещены в ряде европейских стран или Америке.

И это вместо того, чтобы требовать компенсацию за причинённый фашистскими бомбардировками 1999 г. ущерб, вместо того, чтобы требовать экстрадиции пилотов НАТО, бомбивших неповинный народ на площадях, рынках или в поездах, как, например, в Грделичкой клисуре, где сожжены рабочие, возвращавшиеся домой, вместо того, чтобы обвинять Голландию в том, что её так называемые «миротворческие силы» закрывали глаза полтора года на геноцид сербов в Сребренице³ и не разоружили 6000 мусульман, выходивших по ночам убивать сербское население окрестных сел. На Сербию и сегодня оказывают давление, чтобы та извинялась перед Америкой и Западной Европой за то, что её бомбили, за то, что над ней проводился геноцид со стороны той Европы (и Америки).

Чтобы европейский цинизм и ирония судьбы были ещё большими, от Сербии требуется проведение реформы образования, аннулирование своей истории, обучение детей по книгам и учебникам, написанным где-то на так называемом «демократическом» Западе, погрязшем в наркотиках и гомосексуализме, с ясным идеологическим посылом, что западная демократия — единственно возможное социально-политическое устройство, не имеющее реальной альтернативы (и это притом, что в половине западных стран — монархии).

Понятие Европы может иметь и позитивное значение, но только в том смысле, которое придавал Г. Г. Шпет в своей замечательной книге «Очерки по истории русской философии»

³ [http://www^olitikaTs/mbrike/ostali-k\(\)menlari/Srebrenica-istine-i-zablude.sr.html](http://www^olitikaTs/mbrike/ostali-k()menlari/Srebrenica-istine-i-zablude.sr.html) (дата обращения: 01.12.2009)

(1922). У Европы есть свой смысл только как у наследника античности и греческой культуры. В этом смысле Европа является колыбелью и нашей духовной культуры. И только такая, античная Европа.

Между тем то, что происходит сегодня, не имеет ничего общего с той Европой, о которой говорил великий русский мыслитель Г. Г. Шпет. Реформы образования, интенсивно проводимые, имеют только одну цель: экономическое порабощение и духовную колонизацию оставшейся части мира, но не оружием и фашистскими бомбардировками (как в случае с Сербией), а с помощью удаления традиции и навязывания варварства как единственной системы ценности. Рушится традиция, религия, семья — на их место приходят блага «западной демократии» — наркотики и проституция СМИ.

Принимая во внимание то, что это невозможно осуществить за одну ночь, нужны так называемые болонские процессы, первоочередной целью которых является разрушение духовности малых народов с долгой исторической и культурной традицией.

В условиях невозможного ясного формулирования своих основных интересов и определения своей внешней политики сербскому народу, которого бомбили, разоряли варварской приватизацией, дезориентировали антисербские неправительственные организации, сегодня предлагается выход в покорном отрицании себя и принятии принципов болонской системы образования.

Ввиду иррациональной, мазохистской политики, проводимой правительством с целью понравиться ЕС⁴, Сербию всё меньше ценят и те, кто поддерживал сербский народ в его самые тяжёлые моменты. А те, тяжелейшие моменты, видны и сегодня. Сербия не перестает себя унижать, а делает всё, чтобы угодить представителям Европейского союза, которые никогда не желали ей ничего хорошего, тем более сегодня, когда Сербия стоит на коленях.

⁴ По последним сообщениям Сербия могла бы войти в состав ЕС в 2018 г. Некоторые прогнозы говорят о том, что общеевропейская валюта не переживёт 2012 г., а сам ЕС — 2017 г.

Известно, что, когда кто-либо покорит какую-то страну, первым делом меняет систему образования. Вспомните об этрусках, у которых были книги, школы и библиотеки, а после «реформы образования», проведённой римлянами, мы ничего не знаем о языке, на котором они говорили. То же самое происходит и сегодня. Когда так называемый болонский процесс завершится, в Сербии не останется камня на камне.

А всё было начато с благими намерениями. И все клянутся, что делают это во благо, что работают так хорошо, насколько это возможно, и что они должны будут работать до Судного дня ввиду незаменимости во всём и во всех отношениях.

Наша тема — образование:

1. Из того, что на сегодняшний день видно из проводимой реформы образования, следует, что комплекс так называемых болонских процессов повлечёт недвусмысленные губительные результаты и что неоспоримо речь идёт о разрушении образовательной системы, если даже исходить из того, что его надо бы «доработками» усовершенствовать; сколько бы ни говорили о реструктуризации существовавшей системы, а уже начали «приклеивание» новой системы на несоответствующую ранее существовавшую систему, произошло то, что произошло: система пришла к своему коллапсу, никем ещё не признанного, хотя каждый его констатирует.

2. Мы не смеем терять из вида ни на минуту тот факт, что университет — это продукт Средневековья, между нами и его созданием — целое тысячелетие. С его появлением кардинально изменилась и сущность, и способ образования, известные ещё со времён античности.

Средневековый университет отличался от античных школ (пифагорейская школа, Академия Платона, стоическая и эпикурейская школа, афинская позднеэллинистическая школа), которые в большинстве случаев были школами жизни, точнее, настоящего образа жизни. Напротив, он опирался на образец Аристотелевского Ликея, — по сути своей научно-исследовательский центр с первоочередной целью

приобретения знаний о мире (а не воспитания, соответствующего определённому образу жизни в мире).

2.1. Было в корне неправильно думать, что идея университета и его функция в течение последних десяти столетий не претерпели изменения. В первое время, особенно в течение XIII в., за власть над университетом боролись папы и короли, церковная и гражданская власть по вполне оправданной причине: в существовании университета они больше всего ценили его экономическое значение, понимая, что это и есть рассадник, где возвращаются советники и чиновники, источники престижа. С другой стороны, учителя, понимая это, обладали мощным оружием: прекращением работы и уходом в другой город⁵.

Университеты в средневековье соблюдали равновесие практических и теоретических знаний по той простой причине, что претендовали на целостность знаний, не обладая ей, но стараясь её найти и ввести. Это ни в коем случае не значит, что в средневековых университетах царила идеальная гармония. Напротив, и их структуры периодически потрясали кризисы⁶.

⁵ *Гофф Жак Ле*. Интеллектуал в Средние века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 61.

⁶ Речь идёт о столкновении монахов и священников в XIII в. (особенно доминиканцев и францисканцев), потом о столкновении духовных и светских властей. Особого размаха достигло столкновение в Париже между 1252 г. и 1259 г., в котором участвовали пять группировок (неимущие ордена и их парижские учителя, большинство университетских преподавателей-священников, папский престол, король Франции, студенты), вызвано оно было книгой Ийома «Опасности новых времён», в которой он нападал на монахов-нестяжателей (францисканцев). На францисканцев нападали, основываясь на том, что они нарушали университетский устав — они получали теологические звания без предварительной степени магистра искусств. Монахи могли получить лицензию (решение Папы 1250 г.) и без теологического факультета, по решению канцелярию Нотр-Дам, как сегодня преподавателям Закона Божия может стать любой, если его благословил Владыка. Наряду с этим, францисканцы не соблюдали решения университета и вели лекции во время забастовок (признанных Папой и введённых в устав университета). Так монахи были нелояльными и составляли конкуренцию настоящим членам университета — они жили милостыней, не требовали зарплаты, чем подрывали материальные требования остальных коллег. {*Гофф Жак Ле*. Там же. С. 93}. Здесь на деле дошло до кризиса,

Прежде всего имеются в виду столкновения теологов и философов (преподавателей на факультете искусств — латинских аверроистов).

То, что объединяло всех интеллектуалов средних веков, — это устная речь и книга, фундамент образования. Поэтому совершенно не случайно, что сегодня период кризиса образования совпадает с периодом кризиса книги. Книгу сегодня заменяют новые носители фактов, с появлением которых мы сталкиваемся с изменением самого знания, которое больше не достигает глубины, но скользит по поверхности. Поиски знания сегодня заменяются поиском информации и обладанием ею⁷. Поэтому сегодняшних студентов больше не вдохновляет поиск тайны, которую в себе содержит факт нашего существования, а сбор информации и манипулирование ею на поверхности, что предлагает Интернет.

2.2. В отличие от средневековья, когда университет был единственным местом получения знаний и образования, в Новое время, с появлением гражданского общества, университет начинает терять свой статус, ранее столь возвышенный, становясь со временем орудием государства в реализации его витальных проектов и источником импульсов для его самосохранения. Поэтому совершенно понятно, что именно в стенах университетов в большинстве серьёзных государств вырастает государственная элита. Так, естественно, в администрацию американского президента не может попасть человек, если он не закончил Гарвард, Итон или Йельский университет.

2.3. Университет сегодня — больше не органическое единство преподавателей и студентов (как это было в XIII в.); не место, где собраны и наука, и педагогическая практика (как это и было в течение всего средневековья). И менее всего место получения

вызванного столкновением монашеского ордена и корпорации. Если кто-то не получил основного образования на факультете свободных искусств, он не мог стать настоящим интеллектуалом.

⁷ Из 12 студентов, присутствовавших на вступительной лекции по средневековой философии в октябре 2009 г., все 12 пользуются Интернетом, но никто не читает книг, даже не может вспомнить, какую чи тал в последнее время.

высочайшего духовного образования (что имело место ещё в начале XIX в., в период расцвета немецкой классической философии). Менее всего университет сегодня «школа» в основном значении этого слова: школа жизни, школа, где постигается настоящий образ жизни (как это было в Античности).

3. Сегодняшнее состояние подготавливалось долгое время, оно стало последствием эволюции самого университета, как и его членов. Достаточно напомнить констатацию Ж. Бодрийера 1977 г. в «Последнем танго ценности» (с ясной аллюзией на известный фильм) о том, что сегодня всё — симуляция: студенты симулируют знание, преподаватели — лекции, факультеты — дипломы.

Но всё же здесь речь идёт о констатации чего-то, что начало ясно выражаться. Нужно ли забыть то, что происходит, можно ли о нём лишь размышлять, или здесь речь идёт о чём-то, что требует реакции? Сегодняшний университет, потеряв свою прежнюю значимость и величину, освобождён от иллюзии, что без него нельзя, он становится предметом мечтаний. Поэтому так называемых «блонистов» не надо осуждать — они виновны своей невинностью, некритичностью и растрёпанностью.

Студентов, особенно в последнее время, больше не интересует только знание как знание, они не стремятся к новому знанию, а всеми силами стараются получить оценки и определённые баллы. Поэтому они не бастуют из-за плохой комплектации библиотек или лабораторий, а только из-за количества баллов и предметов, которые они могут перенести на следующий учебный год.

В то же время не трудятся и преподаватели, как их предшественники, сегодня никто из тех, кто принадлежит «высшей власти университета», не говорит о том, что его главная обязанность — «духовное руководство» факультетом или университетом, которые он возглавляет. Речь идёт о некоем новом духе времени, который начинает заливать не только наши территории, а во многом подмывает глубочайшие фундамента западноевропейской культуры.

Наконец, сама болонская система образования, совпадающая с периодом постмодерна, с трёхмесячными предметами, в которые впихнуты все знания мира, хороши, если изучаешь менеджмент

или овладеваешь некими практическими ремесленными знаниями, но абсолютно неприемлема для изучения фундаментальных дисциплин, как, например, философия, хирургия, офтальмология, атомная физика, теоретическая математика или предметы по искусству.

4. То, что это имеет долгую предысторию, легко подтвердится, если процитировать Шеллинга «О методе академического обучения»:

«Если в университетах властвует невежество, то в большей степени это вина преподавателей или тех, кто ответственен над духом, расширяемых такими же невежественными людьми»⁸.

Его вывод следующий:

«Царство науки — не демократия, ещё меньше охлократия, а аристократия в самом высоком дворянском смысле», — пишет в продолжении своей лекции Шеллинг. Лучшие должны властвовать, а неспособных, навязчивых болтунов надо держать в стороне, «в полнейшей пассивности»⁹. Образование для умного мышления — это образование, проникающее в сущность человека; оно единственное истинное научное образование, единственное образование, которое делает возможным умное делание.

Эти три пункта, позаимствованные из известного произведения Шеллинга, указывают вместе с тем и на оборотную сторону медали: главные действующие лица не студенты, которые лишь учат только так, как их учат; главные действующие лица — «бездуховные болтуны, навязчивые люди, мягкотелые особы», которых университет не смог удержать «в полнейшей пассивности», а позволил им взять главное слово в реформе образования посредством собственного продвижения своей необразованности.

5.1. Эпилог 1

Первый основной вывод мог бы гласить: кризис университета — не результат внешних, а внутренних факторов. В кризисе

⁸ *Гофф Жак Ле.* Интеллектуал в Средние века. С. 148.

⁹ Там же. С. 148. Как в этом преуспеть? Единственное решение, о котором мне известно, — метод древних греков в отношении тех, кто портил молодёжь.

университета виновен сам университет, в первую очередь преподаватели. Прежде всего в том, что терпят вокруг себя лентяев, суетных невежд и притворщиков, а также в том, что разрешают манипулировать собой последним любителям, довавшимся до чужих денег и власти.

Касательно болонских процессов — это результат одной необязывающей декларации, которую в начале 90-х XX в. подписала группа министров иностранных дел стран Западной Европы. В её формулировке не участвовали ни профессора университетов, ни министры образования.

Речь идёт о собрании добрых пожеланий, можно сказать, что здесь перед нами — современная утопия группы умных людей. Хотя мы знаем, что в реализации своих утопий не добились успеха такие умы, как Платон, Кампанелла или Шарль Фурье. Несчастье, произошедшее с нами, — следствие не только декларации, а ещё и факта, что до её осуществления добрались неумные люди, о которых говорил Шеллинг.

5.1. Вывод

Каждая утопия — красивая мечта, но она превращается в кошмарный ужас, если кто-то решается реализовать её насильственными методами.

5.2. Напоминание о духе времени и кризисе

Весь XX в. прошёл в духе кризиса, понятие «кризис» совершенно не случайно стало одним из самых эффективных его понятий.

Вопрос университета — лишь один аспект ситуации, в которой мы находимся. Эта ситуация несёт в себе следы времени, которое его определяет. Об этом нашем, специфически нашем времени и ситуации, в которой мы оказались, которая проявляется и как безвыходная в своей классификации основных систем интегрированной культуры, пишет известный американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика».

Нашу культурную жизнь лучше всего можно понять, если посмотреть на него как на форму интегрированной псевдоидеационной ментальности. Характер реальности здесь полностью не определён, но ощущается преимущественно как чувственный, тогда как потребности и цели имеют

преимущественно физические свойства и удовлетворяются достаточно умеренно и изменение культурной среды не обусловлено добровольным самосовершенствованием, потребностью в удовольствиях или даже успешным лицемерием.

Речь идёт о тупом, пассивном восприятии невежественности и неудач до той границы, пока существует у людей физическая сила. Подобная минимизация духовных и телесных потребностей не выбрана добровольно, а навязана некой внешней силой. Сила до такой степени сильная, что, после нескольких безуспешных попыток ей воспротивиться, силы угнетённых истощены для борьбы за свободу, для духовной и физической адаптации к иному, лучшему общественному устройству.

Это свойственно рабам, живущим в нечеловеческих условиях, заключённым, людям, живущим под суровым политическим режимом, первобытным племенам в условиях бедности, как и тем, кто пережил некую ужасную катастрофу, сопровождавшуюся полным разорением¹⁰.

Всё это нам хорошо известно. Мы в Сербии продолжаем жить в тени катастрофы, которую пережили. Система образования дробится — тем самым теряется понимание значимости фундаментальных знаний¹¹. Из этой ситуации мы никуда не денемся. Поэтому источник наших неудач — в так называемых болонских процессах; это симптом, знак, указывающий на то другое, важное и основное.

А чтобы дополнить несчастье, до реформ образования в Сербии добрались необразованные, неопытные и некомпетентные в данном вопросе люди. Если бы они хотя бы прочитали два предложения у Сорокина, узнали бы, что любая реформа, будь то реформа образования или языковая реформа, осуждена на провал,

¹⁰ *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 67-68.

¹¹ Достаточно посмотреть на комментарии студентов по случаю заявления о грядущем запрете пересдачи экзаменов в следующем учебном году (как это всегда было в России), <http://www.politika.rs/rubrike/vesti-dana/Rigotoznagrada-za-brucoshe.sr.html> (дата обращения: 1.12.2009). Никому из студентов не приходит в голову, что надо учиться. Они лишь требуют оценок и дипломов. Этому их научила «новая демократия».

если народ от несчастий, сначала бомбардировок, а потом навязыванием демократии и распродажей государства за бесценок, не выздоровел, и когда вынужден бороться за существование, находясь во мраке, куда лишь пробивается луч света. В момент, пока корабль тонет, никто не драит палубу.

Узелац, М.: Реформа системы сербского образования „плюс болонизация всей страны...“ (пер. А.А. Травкина), у сборнику ГАСК „Христианская культура и славянский мир, Москва 2010, стр. 176-185.